

ПТИЧКА

(Подражание Антону Павловичу Чехову)

Как я уже несчётное число раз оповещал читателей, на старости меня настигло достаточно распространённое увлечение записью с помощью компьютера воспоминаний о прошлом. Сейчас это дело подходит к концу, и поэтому завершение волокиты с изготовлением некачественных отпечатков последнего опуса воспринималось мной с понятным облегчением. Я привёз домой свёртки с долгожданными книжками и принялся раздавать свои творения знакомым людям, наивно думая, что наступила самая приятная часть графоманской эпопеи. Очевидно, заметив это расслабление, кто-то из невидимых руководителей Жизни тут же подложил зазнавшемуся писаке очередную «свинью».

Но обо всём по порядку.

Раздав коллегам очередную порцию своих творений, уже на выходе из института, я встретился с также отправляющимся домой

сотрудником нашего отдела Алексеем Дмитриевичем Коршуновым. Этого симпатичного бородатого математика я знаю не один десяток лет. Вдобавок Лёша родом из под Ногинска, а это совсем рядом с местами, где я вырос. В частности, он даже помнит большое село Казанское, а там до моего Фомино всего ничего — три или четыре километра. Но это, как всегда, я отвлекаюсь на второстепенные детали.

Я сообщил Алексею Дмитриевичу о завершении печати книжек и предложил ему зайти ко мне, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, вручить экземпляр сочинения. Учёный, конечно, согласился, тем более, что мой дом находится на пути к его жилищу. Совместное движение занимало около четверти часа, и, как водится, сопровождалось всяческими разговорами. Темы таких бесед у людей моего возраста, как правило, связа-

ны со всяческими жалобами на здоровье или отрицательные перемены в окружающей жизни. Хорошо понимая, что всё это может быть неинтересно другим людям, я всё-таки не устоял перед непреодолимой традицией и стал рассуждать о феномене склеротической потери памяти, в первую очередь — памяти на слова с наименованием знакомых людей. Кроме грустных анекдотических примеров с известными в нашем Академгородке людьми, в своей болтовне я пытался сформулировать и теорию обсуждаемого явления.

Согласно этой теории, хранящие имена «ячейки» в нашей голове из общего их числа 15 миллиардов (по данным популярных брошюр) из-за более частого употребления «стираются» первыми, затрудняя обладателям уникальных живых компьютеров возможности общения с себе подобными. Кроме того, я поделился с Коршуновым советами опытных психологов не впадать в панику и с юмором воспринимать случаи старческой забывчивости, что способствует частичному восстановлению в памяти утрачен-

ных сведений. В общем, с теорией данного явления было покончено, и мы перешли к другим темам. Правда, во время своего ораторства я не заметил, насколько внимательно слушал меня собеседник (мы шли «в кильватер» по начинающей проваливаться весной снежной тропе). Алексей Дмитриевич и в других обстоятельствах постоянно кажется мне погруженным в мысли о своих заумных теоремах.

Как бы то ни было, мы забрались на мой пятый этаж, и началась приятная всякому автору процедура дарения книжек.

Но как только я вывел на первой странице слова — *Алексею Дмитриевичу*, холодный ужас овладел всем моим существом и схватил и без того плохо работающее сердце: я не знал, что писать дальше. Собрав остатки жизненных сил, я упавшим голосом произнёс следующую длинную фразу:

— Алексей Дмитриевич, простите меня великодушно, я забыл Вашу фамилию.

Учёный посмотрел на меня своими ясными голубыми глазами и сказал: «Птичка».

– Лёша! – взревел я уже совсем в другой тональности, – Я забыл твою фамилию!

В это время внутри меня с бешеной скоростью проносились уж совсем непонятные фразы: «Какая, к чёрту, птичка», «Господи, что со мной?» и так далее. Никаких аналогий коршуна с птичками в этом потоке не наблюдалось. И действительно, называть рыжего (как и Лёша в молодости) когтистого хищника птичкой можно только в случаях особого предрасположения к этим представителям фауны.

Наверное, повторный вопль вывел учёного из обычного благодушного состояния, и он скороговоркой произнёс: «Коршунов, Коршунов».

Дарственная надпись была завершена, и незадачливый автор с извинениями распрощался с коллегой. Потом я ещё неоднократно просил у него прощения, но всякий раз эти процедуры несколько портили мне настроение.

Так прошло несколько дней.

Среди суеты с рассылкой книжек случилось ещё одно событие. Знакомый моего товарища по фамилии Соколов стал по телефону диктовать имена и отчества напрямую незнакомых мне людей (всё с той же целью помочь одарить их книжками). Но после первого же имени мой корреспондент «остановился» и стал, чертыхаясь, жаловаться на провал памяти. Всё внутри меня несколько подлым образом взыграло, и я чуть было не заорал в трубку: «Птичка!» Но вовремя остановился. Ведь мой собеседник тоже носит птичью фамилию, и вполне мог неправильно понять мои намерения. Потом я долго повторял по телефону уже знакомую читателям теорию опережающего провала имён. Соколов расслабился и благополучно вспомнил недостающее отчество.

Мы распрощались, а я стал уже с обычным юмором относиться к процедурам опознания знакомых людей. Хотя что-то во время этих процедур теперь всегда малость покалывает меня.

«Птичка».

© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 1998
E-mail: brys@math.nsn.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>